

Сергей ЕРОФЕЕВ

Менгир

**Новокузнецк
2011**

Муниципальное учреждение
Централизованная библиотечная система им. Н.В.Гоголя
Новокузнецкий городской
клуб любителей фантастики
«КОНТАКТ»

Сергей ЕРОФЕЕВ

Менгир

Проза и стихи

Новокузнецк
2011

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос=Рус)6
Е 78

Ерофеев, Сергей Сергеевич

Менгир : Проза и стихи / Сергей Ерофеев ;
ответственный за выпуск – Калашников Н. Н. ;
Муниципальное учреждение Централизованная
библиотечная система им. Н. В. Гоголя ; Новокузнецкий
городской клуб любителей фантастики «Контакт». –
Новокузнецк, 2011 . – 56 с. : портр.

Ерофеев С. С., 2011
На первой странице обложки на фото – Броненосец «Инфанта
Мария Тереза»

Ерофеев Сергей Сергеевич родился в 1984 году в южной столице Кузбасса. Образование высшее экономическое, специальность «Экономика и управление на предприятии (в металлургии)». С 2001 года трудится на преподавательской ниве: сначала педагогом дополнительного образования в МОУ ДОД «Флагман», а с 2006 года по настоящее время – преподавателем кафедры экономики и управления производством ГОУ ВПО «Сибирский государственный индустриальный университет». Литературной работой занимается с 2003 года.

Из увлечений следует выделить особо изучение истории Кузнецкого края и посещение его труднодоступных и живописных уголков.

Облака шифона

Пляшущий дервиш

*Щербининой Л. С. ,
одной из тех немногих, кто не был
равнодушен к моим чаяниям,
посвящается*

Дервиш... Пляшущий дервиш... Хоровод кружащихся красок... Алое и зелёное на сером... Стойкий и пряный аромат кофе... Видимость и неразличимость счастья...

Счастье... разбитое на мириады крошечных, дурманящих частиц, мириады капелек воды, мириады прикосновений чьих-то пальцев... оно растворяется в отзвуках нежности, ласках дождя, жажде разошедшихся перил...

Тихий, мерный шёпот... он вторит едва различимому глазом шагу стройной секундной спицы... Глоток... Ещё... Взгляд... Краски, набухшие, размокшие, потяжелевшие... и оттого ещё более сочные, ещё более яркие – они, будто прорастающие из отполированной временем брусчатки, с каждым кругом, с каждым шагом всё более и более сближаются в бешеном водовороте, соприкасаются, смешиваются и, наконец, сливаются воедино, в единое целое, в единую краску, в единую фигуру, в чарующее и неосознанное, в райское растение... чудом проросшее на этой площади... чудом или же сапогом странника или скитальца занесённое на этот мёртвый булыжный лоскут... А может – это буква, слетевшая со страниц Корана... или детский смех, облечённый живою формой?... Не сухое и безжизненное перекасти-поле, но цветок, обретший свободу движения, что теперь, щедро политый, осознав своё счастье, кружится, движется... движется в залитой этим счастьем каменной пустоши, ловит каждую его каплю?..

Дервиш... Пляшущий дервиш... Хоровод кружащихся мыслей... Чёрное и белое на сером... Чёрное и белое... Столь разные, столь абсолютные цвета; в беге своём по очерченной циферблатом окружности они расплываются, дробятся в

бесконечной центрифуге бликов фарфора и пятнышек тени и теряются, добавляя насыщенности и осмысленности обволакивающему аромату и далёкому, но завораживающему топоту и упрямым всхрапам усталых небесных скитальцев...

Счастье... вырывающееся из тесных рамок рёберной клетки, раздирая кожу... освобождающееся от кандалов истасканного понятия, оно густеет, закипает... и постепенно, приветствуя каждое следующее мгновение, нестерпимо медленно, фигурной струйкой начинает заполнять зажатый в обожжённых пальцах хрупкий кусок обожжённой почвы... Оно манит, увлекает мягким настойчивым тактом дрожащие пальцы, прикасается к ним, пробует раззять... и, трепетно притянув за ладони, подхватить и поставить под струящуюся с небес свободу, полить ещё один цветок... и вот, вот уже двое кружились бы в бешеном ритме по пустому квадрату рыночной площади...

Тихий мерный шёпот, безоглядное, стремительное вращение... и вдруг возникает понимание, резко, пронзительно, понимание того, как же он счастлив!.. Он счастлив, ибо всё иное уходит, отступает, складывается в тонкую упругую спираль, туманное марево вокруг, и в этом коридоре – цилиндрическом коридоре сознания, ничто уже не отделяет его от Бога, до которого дотягивается он своею молитвой, и в этот миг, с Ним и через Него мыслью объёмлет всё – от пыльных проулков Тимбукту до пещерных храмов Гондора, от шумных торжищ Газы до усыпальниц чёрных фараонов... и в этом необъятном круге, в этом немислимом вращении, ощущая на лице лишь призрачное дуновение отдыхающего времени, он наслаждается тишиной и спокойствием... умиротворённо бродя по лику кружащегося в бесконечном танце мокрого шарика – жёлтое и зелёное на синем...

Дервиш... Пляшущий дервиш... Хоровод кружащихся стрелок... долгое и краткое на вечном... Вечное... Вечные вопросы и вечные ценности – пыль под подошвами поколений, пыль, удушавшая андабатов на арене в Эль-Джеме, попираемая копытами монгольских орд, рвавшихся к Иерусалиму, оседавшая и на карманном ноже Байрона, и на сапогах Хейердала... Пыль... она должна быть прибита и смыта, сметена потоком ответов, ясным и чистым потоком понимания и памяти... Глоток... растворённой в кипятке растительной пыли...

Счастье... непрерывный вихрь существования, цикл,

круговорот, спираль, поднимающаяся к истомлённым скачкою тучам, спираль, словно генерируемая непрерывно ускоряющимся вращением тела дервиша... бесконечная смена дня и ночи, времён года и самих времён, красной линией пронзающая циферблат, ось абсцисс графика событий с насаженными на неё стрелками... графика, обвитого холодной чешуёй колец химеры непонимания и пожираемого львиною её пастью...

Тихий мерный шёпот... холодная белая скатерть, холодные белые странички отложенного «Рубайата», горячая белая глубина фарфора в тонкой оправе терзаемых пальцев... Они воскрешают мечты... детские, наивные надежды... и возникает чувство... что мысли и грёзы, мечтанья и чаяния, все они собираются в этом хороводе воедино и разделяются на мужчин и женщин, степенных отставных военных и трогательно-наивных барышень, с искусственными лилиями в прядях и бусами из стекла, на ребятишек, резво улетающих кадаиф, и поэтов, заедающих коньяк горьким мармеладом... что все они – дети непонимания, дети воображения, иллюзии, собираются в единый, непомерный клубок человеческих тел и, внезапно распавшись, заполняют столики пустого балкона... Они пришли... пришли посмотреть на дервиша, помянуть убиенных своих собратьев... и помолчать за себя...

А маленькая фигурка внизу – крохотный Человек, набирая и набирая обороты, все так же безмолвно кружится на площади под ласковый ритм капель – этот шёпот любви, обращенный к облупленным перилам старого колониального ресторана... Человек кружится... он кружится... он расцветает хороводом набухших красок, он пляшет... и будет плясать дальше, ибо это – его credo... ибо в этом – его счастье, ибо он – дервиш...

2. 02. 2006

Облака шифона

*Светлой памяти прекрасной дамы
посвящается...*

Они уходили... Блёклые тени былой эпохи, последние рыцари. Те, кому плевать на золото и то, что за него покупается. Простите за грубость – их манеры тоже поблёкли и начали расплываться густыми фекальными пятнами в бурой воде... Они уходили

вдаль... куда-то вдаль, за мясистый бархатный занавес... кажется, к Золотому городу... хоть им и плевать на золото, как и на тех, кто ищет его...

Золотой идол всегда жесток... он не щадит... он уже захватил, закабалил этот мир, попрали тройскою унцией все цели и принципы, раскрошил все иные людские приоритеты в драгоценную пыль... и теперь там, где правит жёлтый металл, им, мечтателям, более жить невозможно... и потому они уходят со сцены, скрываются из поля зрения, исчезают за занавесом...

Нет, вовсе не золота ищут они, вовсе не золота жаждут их сердца... и вовсе не золота они чают... Они собрались здесь лишь оттого, что это самая грань известного мира, самая страшная дыра, какую можно отыскать под солнцем, дыра, в которую не проникают золотые лучи дневного светила... Сюда привел их поиск земного рая, желание счастья, любви... сюда привели их избитые добродетели и истасканные сентименты, сюда привела их прекрасная дама... ибо не золота жаждет рыцарь... Где дон Кихот? Кажется, был где-то справа...

Прекрасная дама... наивное мечтанье тех, у кого только мечты и остались... и это гнилое зловонное болото – самое место для кучки ненормальных, отказывающихся верить, что цена любви – два медяка за час, что стоит найти Золотой город, чтобы купить всю любовь этого мира, что слава – разменная монета похоти, что женщина – шлюха, продающая тело и душу за чужую славу, чужую роскошь, чужое имущество, связи, что там ещё? Всего не упомнить... Да, рыцари где-то слышали всё это, и что любовь продаётся, и что расценки разнятся... и что поторговаться можно... как и много чего... ещё... Но верить слухам – низко... К тому же, простите за грубость, рыцарям вообще плевать на славу, деньги, имущество, связи, шлюх, как и на всё остальное, что можно купить за золото... «Сеньор, что за чушь вы мелете?... – скажут они, эти благородные дети Неаполя, Антверпена или Толедо, – для рыцаря шлюх не существует, нет даже такого понятия...» И впрямь – Женщина... звучит-то как! Просто музыка для ушей... Каждая женщина для рыцаря – прекрасная дама, античная Флора, и, у каждого, в сердце и помыслах, есть своя, своё нежное мечтанье в облаках голубого шифона... свой ориентир, своя Полярная звёздочка над горизонтом... Дамы этого мира прекрасны, но как смеялись они над доном Кихотом... таким бедным и трогательно-добродетельным... немного жаль, что у него не было золота... но

жаль лишь немного и недолго – простибельная минутная слабость...

Золотой город... почему так упорно рыцари стремятся к нему, выкатив невидящие глаза, скрежеща зубами от напряжения мысли?... Открою секрет – сам по себе он им не нужен... более того, они-то лучше всех прочих знают, что город выдумка, что никакого города нет... им просто нужно двигаться через эту топь, пройти здесь, а цель – дело десятое... им нужна сама эта дорога... окровавленные пальцы, сжимающие рукояти эспадронов, изысканная одежда, расплзающаяся от гниения, двухпудовые латы, утягивающие в зловонную жижу по самые плечи, меткие стрелы гордых семинолов, не понимающих, зачем чужаки пришли в их родные трясины. Упёрто и самозабвенно продираются скованные доспехами рыцари сквозь тропический рай, стремясь быть выше дизентерии, вопящего комарья, копошащихся под кожей личинок, костяных щитков, то и дело мелькающих в, и без того живой, воде; они уже почти не замечают всех этих мелких неудобств, они лезут вперёд, оставляя за собой лишь трупы в антикварных гробах дамасской стали... Они уходят... ведь уйти им куда проще, чем поверить в то, во что не хочется верить, чего не хочется вспоминать, не хочется знать... чем переварить несколько фраз, некогда сказанных прекрасной дамой, что донеслись до слуха, едва разомкнулись нежные розовые уста... О смысле её слов даже не хочется думать, лишь возникает желание сорвать ближайшую орхидею и дополнить лучезарный образ... до состояния полной ирреальности... и чувственного великолепия... Интересно, что будет, когда древние красивые тексты породят новых мечтателей, которых назовут – романтиками, идеалистами, что станут делать эти несчастные милые мальчики со смешными чёлками... когда вся девственная флора исчезнет с лица Земли... найдут ли они пути физического ухода от действительности, не предусматривающие вскрытие вен или шаг в пустоту? Как знать... Может быть, к тому времени и народятся прекрасные дамы, не продающиеся за золото и не придающие значения золоту и всему тому, что за него покупается... Вот только милые эти мальчики уже не будут рыцарями; не отягощенные прежними добродетелями, они останутся в памяти лишь сентиментальными идиотами... не более. Горькая издёвка мироздания...

Они уходили вдаль... Блёклые тени сгинувшей эпохи, последние рыцари... Плевав на золото и насмешки тех, кто жаждет

его, плевав на фекальные выделения, на вопли алчущего комарья... движимые воздушными образами в клубах невесомого шифона, они уходили... и уходили навсегда... Их торчащие из гнилой жижи изгаженные каски и наплечники пусть медленно, но всё же скрывались из глаз. Зелёный занавес опускался... Финал... Свет... Аплодисменты...

8-9.05.2006

Менгир

*И отрет Бог всякую слезу с очей их,
и смерти не будет уже; ни плача,
ни вопля, ни болезни уже не будет,
ибо прежнее прошло.*

Откровение святого Иоанна Богослова 21-4

– А теперь оставьте меня, господа, – шелохнулись щегольские усы, и во влажном предрассветном сумраке вновь воцарилось подобие тишины. Подобие, в которое хотелось верить, которое нравилось... потому что было уместно... оно очень вязалось с лимонным ароматом.

Серебряная ложечка в который раз переворачивала тончайший ломтик лимона, и лёгкие жадно вдыхали эти ни с чем не сравнимые более флюиды, сейчас уже почти неуловимые, но оттого и более призывные, более чарующие... То был призрачный дух той Испании, которой никогда уж не будет, как и той Кубы, последний лоскут которой медленно истаивал в окружающем пространстве, едва ли не опережая исчезновение собственного аромата.

А ноздри, тем временем, улавливали и иной запах... Он, вероятнее всего, был лишь плодом тяжёлой ночи, но орган отождествления вполне реально давал знать о его присутствии. И запах этот, тяжёлый, терпкий, чуждым инородным маревом сползал на неохотно просыпающийся город с отрогов Сьерра-Маэстры. Он спускался с гор вместе с кавалерией Рувельта.

Город настороженно просыпался. Впрочем, спал ли он в эту ночь? Кто знает... Кое-где на берегу... здесь... там... зажигались крохотные огоньки, потом гасли... Даже если и спал, то сном беспокойным. Тончайшие нити тревоги пронизывали полумрак. Эти нити опутывали всё пространство невесомой, но крепкой паутиной, и не только корабли эскадры попали в неё, но и чернеющая невдалеке громада некогда неприступного форта Моро

и запирающая пролив батарея стальных исполинов, снятых с «Королевы Мерседес», и беззащитные лачуги окраин, и два броненосных флота ВМС США, стоящие в море... Всё будто бы замерло... Но видимость была обманчива.

Обречённый город жался к кромке прибора. К кораблям, своим кораблям, кораблям, которых не должно было здесь быть... Призрачными фантомами стояли они в гавани – последний оплот исчезающей действительности... но теперь на этой земле, кажется, верили в призраков... всё меняется, но всё ж не настолько – тени по прежнему не имели силы... Сила ушла отсюда вместе с грузёными золотом галеонами. Она утекала сквозь пальцы, пока нация жгла своих грешников... и вот, на смену прежней явилась новая сила... Она пришла сюда с золотых пляжей Дайкири. Дайкири – какое сладкое слово... Пришла с запахом армейских мерингов, трубчатого табака и разбавленного виски.

Этих кораблей не должно было здесь быть. Они прорывались сюда из Европы, кругом, в обход, через африканские воды, стремясь во что бы то ни стало миновать губительного, никаких сомнений, открытого боя... пробирались от порта к порту, нанизывая на путь, как бусины на нить, последние осколки великой испанской империи, отправившей свой флот воевать за море – свой новый, с иголочки, флот, приличествующий европейской монархии... флот, не укомплектованный даже вооружением... ныне запёртый почти без топлива в ничем не защищённом с суши порту.

– Ваше величество, Вы посылаете нас на смерть... – услышал командующий произнесённую некогда фразу, вздрогнул и понял, что задремал, и гигантский корабль, казалось, тоже дёрнулся, проснулся от звуков его голоса и стал оживать вокруг... Но Их католическое величество не прислушалось... оно не хотело ничего слушать... оно никак не желало признавать тот факт, что весь захиревший государственный механизм, питаемый андалузскими скотоводами, – такой же рудимент на теле Ойкумены как кельтские стоячие камни среди пшеничного поля, и что всё это плавучее железо либо сгинет в тёплых карибских водах, либо...

– ...Никаких либо!... Оно не достанется янки, – кулак с размаху полетел к перилам, но на краткое мгновение замер и лишь легонько шлёпнулся о полированную древесину. – Нет, не достанется, и не будут они есть с гербового фарфора... Пусть сколь угодно считают себя новым Римом, пусть грезят мировым господством, пусть, как и

с кельтами, будет по десятку на одного, – всё это пафос, никчёмный, ненужный пафос... Мак-Кинли не Цезарь. Мы не кельты... Испания уходит отсюда... и пусть никогда больше сюда не вернётся, не воскреснет, подобно так почитаемому здесь святому Лазарю, но она уходит сама... ибо мы сейчас и есть Испания... и мы уходим...

...уходим без топлива, без снарядов. Пусть отстреливаясь из пулемётов, но мы все равно выйдем в море... как новобранцы, которые мочатся в штаны, но все равно лезут под пули, потому что давали клятву. Так и мы выйдем отсюда... ведь и мы давали клятву служить своей стране, своему королю, своему Богу... и андалузским скотоводам... И это отнюдь не ритуальное самоубийство, то что мне... нам предстоит теперь сделать, только это и следует именовать актом веры, ибо мы предаём себя в руки всемогущего Бога... огня будет немало, а далеко всё равно не уйти...

Серебряная ложечка в который по счёту раз перевернула ломтик лимона в толще холодного чая. Адмирал, командующий, при сабле и аксельбантах, рыцарь, облачённый в корабельные брони, замер он сейчас, над полированными перилами, недвижимый и бесстрастный, точно древний кельтский дольмен или менгир...

Тяжёлый утюг «Мари-Терезы» первым покатился к фарватеру... и когда корпус флагмана неслышно, точно мираж, проплывал в клоках утреннего тумана мимо исполинских бастионов форта, в глазах командующего уже стояло заspanно-удивленное лицо Симпсона, бессмысленно палящего против восходящего солнца... и разводящего пары уже где-то далеко за кормой...

6.06.2007

Авторские примечания

Пляшущий дервиш

Дервиш – термин, в европейской интерпретации обозначающий мусульманского аскета, странствующего мистика, приверженца суфизма. Посредством пляски или танца дервиш достигает состояния транса.

Тимбукту (Томбукту) – город на территории современного Мали, в Средние века – один из крупнейших экономических, культурных и религиозных центров в Западной Сахаре. В колониальную эпоху находился под властью Французской республики.

Гондор (Гондэр) – город в Абиссинии (Эфиопия). В позднем Средневековье – столица Эфиопского государства. Известен храмовыми и монастырскими комплексами.

Газа – город в Палестине. Один из древнейших городов мира, упоминается в Ветхом Завете. В колониальную эпоху находился на территории Османской империи. С 1920 по 1947 – под Британским управлением.

Черные фараоны – правители страны Куш, южного соседа Древнеегипетской державы. По образцу египетских царей погребались в пирамидах, часть из которых сохранилась до наших дней.

Андабат – в Римском государстве, гладиатор, бившийся на арене вслепую, – в глухом, без прорезей для глаз, шлеме.

Эль-Джем (римск. Тиздр) – город в Тунисе. Основная достопримечательность – сохранившаяся римская арена (амфитеатр) III века.

...попираемая копытами монгольских орд, рвавшихся к Иерусалиму... – фраза адресует читателя к сражению египетских мамлюков с монголами при Айн-Джалуте (близ Назарета), имевшему место в 1260 году. Монгольское войско потерпело поражение, его продвижение в Святую землю было остановлено.

Джордж Гордон Байрон (1788 – 1824) – британский поэт-романтик, путешественник. Создатель нашедшей автобиографической поэмы «Паломничество Чайльд Гарольда».

Тур Хейердал (1914 – 2002) – один из величайших путешественников XX века, антрополог, писатель. Начал первые археологические раскопки на острове Пасхи, пересек (в качестве руководителя группы ученых) Тихий океан на плоту «Кон-Тики», Атлантический – на тростниковых лодках «Ра-I» и «Ра-II», обошел Африканский рог на тростниковой лодке «Тигрис».

Химера – существо из греческой мифологии. Согласно преданию, имело львиную голову, козье тело и змеиный хвост. Существуют и иные варианты сочетаний. Слово употребляется для обозначения несбыточных представлений, уводящих человека от реальности.

«Рубайат» – сборник особой формы четверостиший (рубаи), чаще философской тематики, характерных для Среднего Востока. В тексте имеется в виду «Рубайат» Омара Хайяма – средневекового персидского поэта и ученого.

Кадаиф – восточное лакомство из тончайших нитей теста, пропитанных сиропом. В Европе характерно для болгарской кухни, куда проникло из Турции.

Облака шифона

Золотой город (El Dorado) – легендарная страна сокровищ, поиски которой велись различными группами испанских завоевателей в Центральной и Южной Америке.

Тройская унция – мера веса драгоценных металлов. Название «тройская», согласно одной из версий, происходит от города Труа во Франции, где в Средние века находился один из крупнейших в Европе рынков. Точный вес – 31,1034768 г.

Они собрались здесь лишь оттого, что это самая грань известного мира... – в тексте речь идет об экспедиции конкистадора Панфило де Нарваеса во Флориду, имевшую место в 1527 – 1528 годах.

Дон Кихот – персонаж романа испанского писателя Мигеля де Сервантеса Сааведра «Хитроумный идальго дон Кихот Ламанчский». Имя, ставшее нарицательным, употребляется для обозначения человека, живущего в мире романтических грез.

...эти благородные дети Неаполя, Антверпена или Толедо... – в рассматриваемый период и Неаполь (Неаполитанское королевство), и Антверпен (Фландрия), и Толедо (Испания) находились под властью римского императора (императора Священной Римской империи германской нации) Карла V Габсбурга.

Флора – древнеиталийский идол цветов, весны и юности. Символ чистоты и невинности.

Полярная звезда – звезда в созвездии Малой Медведицы. Навигационный ориентир.

Эспадрон – легкий меч с прямым клинком колюще-режущего типа, иногда – обоюдоострый.

Семинолы (Seminoles) – индейское племя Северной Америки, как народность сформировалось лишь в XVIII веке, поэтому употребление термина, применительно к населению Флориды эпохи конкисты, – совершенно неверно и остается на совести автора. Племена, с которыми имели дело люди де Нарваеса, назывались Тимукуа (Timucua) и Апалачи (Apalachee). Однако слово «семинолы» звучит куда как романтичнее.

Дамасская сталь – сталь особого приготовления, получаемая проковыванием сплетенных в жгут стальных полос, различных по содержанию углерода. Употреблялась для производства оружия, лат и даже – посуды.

Орхидея – семейство травянистых растений, наземных или эпифитных. Тропические виды принимают крайне причудливые, экзотические формы.

Менгир

Менгир – мегалит, вертикально установленная глыба природного камня.

...той Испании, которой никогда уж не будет, как и той Кубы... – речь идет об испано-американской войне. Выбранный эпизод – попытка прорыва блокированной в порту Сантьяго-да-Куба испанской эскадры под командованием контр-адмирала дона Паскуаля Сервера-и-Топете (1839 – 1909), имевшая место 3 июля 1898 года. Выход кораблей в море в безнадежных условиях может рассматриваться не иначе как акт подлинного героизма людей, подчинившихся невыполнимому приказу командования достигнуть Гаваны. В ходе боя испанская эскадра была уничтожена.

...шелохнулись щегольские усы... – адмирал Сервера носил окладистую бороду. Данная фраза употребляется автором исключительно для создания нужного психологического образа.

Сьерра-Маэстра – горный массив на юго-востоке Кубы.

Теодор Рузвельт (1858 – 1919) – американский политический деятель, 26 президент Соединенных Штатов. Участник военных действий на Кубе во время испано-американской войны.

Замок Сан-Педро-де-ла-Рока-дель-Моро – крепость, защищавшая с моря порт Сантьяго-да-Куба. Ныне – объект Всемирного наследия ЮНЕСКО, музей истории пиратства.

«Королева Мерседес» – крейсер 2-го ранга, нес службу стационара в Сантьяго-да-Куба. Часть орудий крейсера была снята для усиления береговых батарей.

Дайкири – место высадки американского десанта. Одноименный коктейль, на который присутствует явный намек в тексте, изобретен позже.

Но Их католическое величество... – королева Мария Кристина (1858 – 1929), регент при несовершеннолетнем Альфонсе XIII. Решение об отправлении эскадры принимали, конечно же, иные люди, которым Сервера и высказывал свои соображения.

Ойкумена – человеческий мир.

Янки – кличка, первоначально употреблявшаяся англичанами по отношению к жителям североамериканских колоний, ныне используется для презрительного обозначения жителей Соединенных Штатов.

Уильям Мак-Кинли Младший (1841 – 1901) – американский политический деятель, 25 президент Соединенных Штатов. Провозгласил отказ от изоляционистской доктрины. Руководил государством во время испано-американской войны. Умер от пулевого ранения в живот, причиненного в результате покушения.

Гай Юлий Цезарь (? – 44 до Р. Х.) – римский военный и политический деятель, пал от руки убийцы. Слова сравнения: «Мак-Кинли не Цезарь», вложенные автором в уста адмирала, в данном контексте, можно считать недоброй шуткой.

Святой Лазарь Четверодневный – общехристианский святой, человек, воскрешенный Христом на четвертый день после погребения. Проповедовал его учение на острове Кипр. Особо почитается на Кубе, считается покровителем острова.

Аксельбант – наплечная тесьма, часть парадного военного мундира. Имеет вид плетеного шнура.

«*Инфанта Мария Тереза*» – флагман эскадры адмирала Сервера. Броненосный крейсер типа «Орландо». Гаран придавал боевым кораблям того времени сходство с римскими триремами. Злые языки называли их «утюгами».

Фарватер – путь безопасного движения судна по водному пространству.

Уильям Симпсон (правильно – Сэмпсон) – контр-адмирал, командующий американским флотом. Не участвовал в бою 3 июля, но Сервера не мог заранее этого знать.

«Колчаковская пещера», или Удивительное рядом

– Колчаковская пещера? – недоверчиво переспросил я.

– Ну, не то чтобы Колчаковская, да и не то чтобы пещера, – усмехнулся наш знаменитый археолог Юрий Ширин, – это что-то вроде длинного коридора, метров тридцать, ряд поворотов, но высота вполне приличная, и в нескольких местах дерн над головой, кажется, даже смыкается. Как будто идешь между двух крепостных стен. Очень Вам советую побывать...

Не ручаюсь, что передал разговор дословно, но смысл, тем не менее, был именно таков: сходить стоит! Итак, что мы имеем? Что-то весьма похожее на пещеру, и не за тридевять земель, а всего в полутора часах езды на банальной электричке до Кузедеева. Это показалось мне невероятным – в тех местах я знаю едва ли не каждый камень. В общем, затронуло за живое! Настолько, что решил потратить последний субботний день перед началом «трудовых будней» на поиски этой доселе неизвестной мне достопримечательности.

По пути к предполагаемому району поисков размышляю о ментальности народонаселения. Ведь, если разобраться: «Колчаковская пещера» – откуда такое название? Видимо, хочется людям в серой повседневности чего-то необычного, яркого и светлого. Нет рядом пещер, и ладно, есть что-то похожее. Как говорится, «на безрыбье...» А Колчаковское у нас все, хотя бы отчасти связанное с Гражданской войной.

Оказывается, ров, о котором идет речь, местные партизаны, опять же – по легенде, использовали как схрон. Красные они были, белые, или зеленые – значения, разумеется, не имеет... Что сам Александр Васильевич связан с Кузбассом лишь тем, что однажды проехал в штабном вагоне в трех сотнях километров к северу от от этого рва, тоже никого не волнует. Колчаковская – и баста...

Говорят, что особенно много пещер (настоящих пещер) с таким названием по Салаиру. Сам не доходил, но слышал от людей, что ищут там несметные сокровища белых, только почему-то не золото, как на Байкале, а серебро. «Серебро Колчака» – новое слово в изучении истории Отечества! Может, и есть этому здоровое

объяснение, но мне оно неизвестно, да и нужно ли оно? Вот только прекратим ли мы когда-нибудь называть места своего обитания именами тиранов? Как бы добродушно ни взирал на нас будущий белый адмирал с пожелтевшей фотокарточки (есть фото, где он, по возвращении из полярной экспедиции, – в свитере с гитарой и бородой «а-ля Владимир Высоцкий» – ни дать ни взять – советский геолог), на его счету немало человеческих жизней...

Надо сказать, вход я нашел быстро. Березка на взгорке, небольшой овраг – канавка, по которой весной стекает с горы талая вода. А прямо за березкой, среди травы, едва угадывается пустота. Прыгаю вниз и ловлю себя на мысли о старой песне «Джефферсон Эйрплайн» про Алису и белого кролика. Внизу уже совсем иная реальность...

По ощущениям это – как попадание в фэнтэзийный мир Джордана или Толкиена. Узкий длинный и глубокий коридор, полностью сокрытый от внешнего мира. Правда ни эльфов, ни троллей, ни даже других людей мною замечено не было, однако следы посещения расой гремлинов, как всегда, повсеместно. В основном – разнообразная пивная тара. Помимо этого, обнаружен автограф странного существа из славянской мифологии – лешего! Именно такая полустертая уже природой надпись красовалась на одной из стенок коридора. Пройдя ров из конца в конец и вытащив целый пакет мусора, иначе фотографирование не имело бы ни малейшего смысла, начинаю подробный осмотр.

Вне всякого сомнения, это природное образование. Вода, стекая по склону, вымыла в мягкой почве два русла: одно – на север, другое – на юг. Поэтому в средней части, где весной проникает вода, принося с собой почву, глубина его минимальна. Северный рукав, более длинный, с несколькими поворотами, с максимальной высотой около трех метров. Открывающиеся виды коридора здесь постоянно меняются, всякий раз предоставляя жадному взору что-нибудь новое. Южный же рукав, хотя и с одним лишь поворотом, гораздо глубже, максимально – в два с половиной-три человеческих роста, причем массивные уступы нависают прямо над головой. Свод, конечно, нигде не смыкается, что вовсе не мешает чувствовать себя под землей.

Именно под землей... Воздух здесь не такой, как в пещерах Шории, где мне приходилось бывать. Там сырость иного рода, звонкая, кристально чистая, отдающая солью или влажной известью. Здесь же – терпкий и вязкий аромат мха и почвы.

Этот ров – самая настоящая западня. Сверху, среди разнотравья, он практически неразличим. Поневоле поверишь, что здесь прятались партизаны. Если не знать, где искать, найти их было бы трудно. Опять же, если идти поверху и не смотреть под ноги, – неверный шаг и переломы обеспечены. Если упадет лошадь или корова – только на убой.

Возвращаясь на поверхность, мысленно пытаюсь определить, где же находится порог норы белого кролика, отметить границу между двумя реальностями: подземным миром «Колчаковской пещеры» и миром обыденным, где в низинке мирно пасется скот и неторопливо несет свои воды Кондома, и не могу. Не выходит. Граница призрачна, где-то на середине шага, но она есть...

Вот так я в очередной раз убедился, что необычные, достойные посещения места подчас действительно находятся совсем рядом. Остается лишь искать, находить и удивляться... Всех благ Вам, дорогой читатель, и удачных поисков!

Авторские примечания

Колчак Александр Васильевич (1874 – 1920) – вице-адмирал, российский полярный исследователь, военный и политический деятель, один из раководителей Белого движения.

Зеленые – во время Гражданской войны «зелеными» называли крестьянские и казачьи вооруженные формирования, боровшиеся как с «красными», так и с «белыми».

...однажды проехал в штабном вагоне в трех сотнях километров к северу от этого рва... – имеется в виду отступление Колчака на восток, вдоль Транссибирской магистрали.

Салаир – Салаирский кряж. Возвышенность на территории Кемеровской, Новосибирской областей и Алтайского края.

«Джефферсон Эйрплэйн» (Jefferson Airplane) – американская музыкальная группа, работавшая в жанре психоделического рока. «White rabbit» (Белый кролик) – одна из наиболее известных их композиций.

Роберт Джордан – псевдоним писателя Джеймса Оливера Ригни Младшего (1948 – 2007), автора цикла фэнтезийных романов «Колесо времени».

Джон Рональд Роуэл Толкиен (правильно – Толкин) (1892 – 1973) – британский писатель и лингвист, участник I Мировой войны. Создал трилогию «Властелин колец» и фэнтезийный мир – Арду.

Гремлины – существа из английского фольклора, патологические хулиганы.

Университет от А до Я

(Байки завзятого студента)

Вместо вступления

Данные записи предназначаются вчерашним абитуриентам, в ВУЗе еще не освоившимся, не вполне освоившимся или вообще еще толком не знающим что это такое, чтобы оные не собрались раньше положенного времени нас покинуть (*лат. Abiturientis – собирающийся уходить*) от недостачи живого интереса к родному ВУЗу, а также будущим выпускникам, которые освоились в нем настолько, что им уходить и самим не хочется. Словом, всем студентам, кто считает необходимым это прочесть.

От начала

Чтобы долго не тратить время на поиск того, с чего бы начать, недолго думая, начну с начала. А в начале, как и водится, ничего не было... Ни дисциплин, ни преподавателей, ни студентов. Нет, конечно, что-то было, но что именно – история деликатно умалчивает, поэтому данный период называется доисторическим. В общем – скучно было тогда и неинтересно. Со временем скука людям наскучила и, чтобы как-то поправить ситуацию, они решили создать язык, ну, там, анекдоты рассказывать или на досуге назвать что-нибудь. Так появилась *ЛАТЫНЬ*, праматерь всего живого и разумного студенчества.

Первые университеты

Как известно, в начале всего лежит слово, а потому, чтобы что-то появилось, это что-то сперва надо назвать. Чтобы появилось что-то простое, надо назвать по-простому, чтобы – сложное, по-сложному. Но у *Homo sapiens* была только латынь, и получалось у них только по-сложному. Однажды назвали нечто на свою голову – университетом (*лат. Universitas – совокупность*), не подумав, что совокупности состоят из разных частей, которые тоже придется называть. Их назвали возможностями (*лат. Facultas – возможность, способность*). Так люди и получили в этой жизни разные возможности.

Разделение в правах

Люди долго думали, что им делать с новыми возможностями и решили, что в целях элементарной справедливости те, кто лучше знает, что с ними делать, пусть наставляют тех, кто знает хуже или вообще знает о чем-то не о том. Так они и разделились на профессоров (*лат. Professor – наставник, от professio – род деятельности*) и студентов (*лат. Studens (studentis) – занимающийся*). А дальше начинается совсем другая история...

Совсем другая история

Она заключается в том, что помимо возможностей есть еще и потребности – никто не будет выполнять работу задаром. И поскольку учеба это тяжкий труд – студенты решили, что задаром его выполнять нечестно и придумали себе стипендию (*лат. Stipendium – плата*). Преподаватели тоже решили, что учить – это труд, и, в отместку студентам, придумали кассу (*ит. Cassa. от лат. Capsa – ящик*), куда вносятся деньги за оплату обучения. Спор о том, чей труд важнее и кто, кому и чего должен не утихает и по сей день.

О кафедрах

Однажды, споря со студентами о том кто, кому и чего должен, профессор к концу дня так утомился говорить по латыни, что усевшись, наконец, в любимое кресло, удовлетворенно прошептал: «Уфф, сиденье...» И сделал он это, поскольку уж очень утомился, на нормальном человеческом языке – на греческом. С тех пор места, где сидят профессора, называются кафедрами (*греч. кафедра – сиденье*).

О преподавателях

Вначале все преподаватели были профессорами (наставниками). Это было, конечно, хорошо, но, к сожалению, течение времени показало, что только наставлять – недостаточно, кому-то надо еще и учить. Так появились учителя – доценты (*лат. Docens – учащий, от docere – учить*). Но течение времени было неумолимо – выяснилось, что кому-то надо еще и объяснять изученное, а поскольку объяснять было некому, студенты валом повалили к разным репетиторам. Реакцией университетов стали помощники доцентов – ассистенты (*от лат. Assistere – помогать*), непосредственно ходившие «в народ». Таким образом, налицо парадокс: чем ближе преподаватель к студентам и чем предметнее его работа, тем ниже он котируется.

Об испытаниях

Чтобы определить уровень знаний, преподаватели, с периодичностью в полгода (*лат. Semestris – полугодие*), стали применять систему испытаний (*лат. Examen – взвешивание, испытание*), которую студенты тут же окрестили сессией (*лат. Sessio – заседание*), поскольку им пришлось как следует засесть за учение. Мягкий вариант экзамена назывался беседой. При воспоминании о том, во что вылилась эта «беседа» (*лат. Colloquium – разговор, беседа*) через пару-тройку веков, вздрагивает каждый второй первокурсник.

О разрешении неразрешимых противоречий

Как правило, при подготовке к вышеозначенным испытаниям каждый студент вырабатывал и вырабатывает свою собственную систему зубрежки, не столько с целью получения максимального результата, сколько с целью неполучения минимального. Ограничительными критериями тут являются, с одной стороны – частный случай теоремы о знаниях (*чем больше ты учишь, тем меньше ты знаешь*), с другой – первый постулат закона Мерфи (*если что-то нехорошее может произойти, это что-то обязательно произойдет*). Загвоздка кроется в том, что, по логике вещей, чем больше студент учит, тем меньше вероятность действия второго закона, но тем больше вероятность действия первого. Статистика же неумолима – наилучших результатов достигают студенты, абсолютно индифферентные к противоречиям отвлеченных теорий и закономерностей и потому – как следует выпавшие перед экзаменом.

О проектировании

В пору средневековья все мало-мальски стоящие научные идеи встречали массу противников, а так как люди в большинстве своем были прямыми и в целом, неинтеллигентными, научные диспуты зачастую заканчивались потасовками «стенка на стенку» и метанием камней в оппонентов, что требовало от защищающейся стороны изрядного мужества. Брошенный вперед камень по латыни – проект (*Projectus*). С тех пор и говорят, что самое страшное в проектировании – выход на защиту.

Об организации студенческого питания

Хотя, традиционно, университет и добивался, чтобы учащиеся называли его кормящей матерью (*лат. Alma mater – кормящая мать*), стипендии прилежных студентов всегда были мизерными, отчисления в кассу нерадивых – высокими, а голод, даже во

времена первоначального накопления, не был теткой, и потому требовал немедленного утешения. В прошлом студенты, как и ныне, вынуждены были искать источник дохода, но поскольку в жизни работать требовалось, как правило, руками, а в ВУЗе учили работать головой, их никуда не брали. Ничего не оставалось, кроме организации праздников. Выглядело это так – студенческая группа собиралась глубокой ночью перед каким-нибудь мирно спящим домом и начинала во весь голос горланить «Гаудеамус» (*лат. Gaudeamus*). Поскольку певческим талантом, как и сейчас, были наделены единицы, а горланили все, жители дома предпочитали заплатить «гонорар», лишь бы певцы убрались восвояси. На следующий день студенты, в полной уверенности, что устроив праздник другим нужно устроить его и себе, «замаривали червячка» в уютных уголках ВУЗа. С тех пор эти уголки называются буфетами (*лат. Bufetum – праздничный стол*).

О студенческой вольности

Главной ценностью студентов средневековых университетов были все-таки не знания, а вольность. Если, например, в результате описанного выше праздника, студентов ловили, судить их мог только университетский суд. В самом деле, неужели человека, знающего, что Земля круглая, позволительно судить всякой шантрапе? За разнообразные проступки предусматривались разнообразные же наказания, как-то: замечание, выговор, строгий выговор, порка, заключение в карцер, повешение. Как видим, с отчислениями из ВУЗа в средневековье было туговато. К настоящему времени три последних вида наказания отменены за жестокостью, первые три – скоро отменяют за неэффективностью, возможность же отчисления, вероятно, по причине отсутствия исторического фундамента, на сознание студента влияния практически не оказывает. И, видимо, уже не окажет.

О советских ВУЗах

Долго еще студенты были вольными, а потом появились советские ВУЗы. О том, что это такое, распространяться нет смысла, а если все же есть – сходите, ради интереса, на учебу – сами все увидите.

О последних нововведениях

Самые запоминающиеся университетские нововведения последнего десятилетия, похоже, направлены на снижение студенческой самооценки: пашешь по полтора часа без перерыва – в двоечниках ходишь, а нет – так и вообще сказать стыдно.

О распоследних нововведениях

В самых верхних эшелонах, по-видимому, давно решено покончить с советской системой высшего образования, этим «пережитком тоталитаризма» и «образчиком неэффективности». Результатом соглашений в Болонье будет полное и всеобъемлющее избавление от этого «зла». Вот только не пришлось бы будущим выпускникам российских университетов жевать болони, ходить в «болони» и на все эти «болони» зарабатывать пением под окнами «Гаудеамуса».

Вместо заключения

«Давайте радоваться», господа студенты, «пока мы молоды»; ведь радоваться жизни – это, все-таки, самая лучшая из студенческих традиций от начала времен и до сегодняшних дней, ведь только оптимизм, улыбка и здоровое чувство юмора способны привнести в этот мир гармонию и перемены к лучшему.

Авторские примечания

Закон Мерфи – американский аналог отечественного «закона подлости для участка цепи».

«Гаудеамус» (давайте радоваться) – первое слово в тексте средневекового (и повсеместно используемого) студенческого гимна.

Результатом соглашений в Болонье... – имеется в виду Болонский процесс в целом, а не только Болонская декларация 1999 года.

Из цикла «Окованное сердце»

Музе

В подражание А. Пушкину

*...И шестикрылый серафим
На перепутье мне явился.*

Покинув царские чертоги,
Присев на берегу ручья,
Тебе я посвящаю строки,
Страсть обрётённая моя.

Ты подошла ко мне внезапно
И озарила мрак души.
Ты подкралася невозбранно
И прошептала мне – дыши...

Дыши – и отрекись от злата,
Своё забрало подыми,
И ты увидишь, что ограда
Гнетёт движения твои.

Отбрось свой меч без сожаленья –
Врагов твоих не сосчитать.
Ужель, по зрелом размышленьи,
Их всех пристало убивать?

Отринь свой щит. Не защитит
Тебя пустая деревяшка
От злых нападков, клеветы,
Кинжала в спину, мой бедняжка.

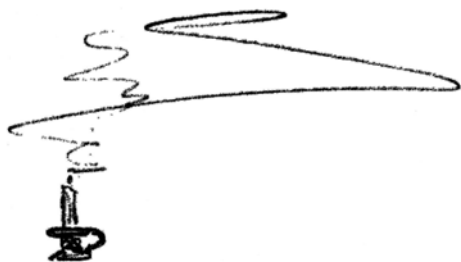
О, рыцарь, прикоснись к перу,
Стянувши латные перчатки,
Разуйся, чтобы поутру
Бежать по росам без оглядки,

Без сожаленья, без вины,
Без горького утраты чувства
От полусвета, полутьмы,
От воинских походов буйства,

От красноты кирпичных стен
И серости бульжных улиц,
Переплетенья синих вен
И тощих, с яблоками, куриц.

Беги, пока свободен дух,
Беги, пока согласно тело,
Пока воюешь ты, мой друг,
Довольно-таки неумело,

Пока достанет сил прожить,
Покинув царские чертоги...
О, муза, я готов служить
Добру... и вдохнови на строки...

Память

Дней ушедших назад не вернуть,
Даже многих из них не упомнить...
Лишь в душе осаждается муть,
Лишь в душе осаждается копоть,

Лишь на память надвинулась мгла,
Иссечённая стрелами молний...
Может, помнить она и могла?
Может, лучше сейчас и не помнить?

Ну, зачем сохранять, что ушло,
Потеряв материальную форму,
То, что радость у нас отняло
Или беды сводило до нормы?

Ну, зачем возвращать времена
И корёжить забытые раны,
Биться насмерть и рвать стремена,
Покоряя далёкие страны?

Можно ль было не драться с врагом,
Постучавшись в стальное забрало,
Иль стремглав убежать от того,
Что секунды у нас отнимало,

Отнимало мгновения, что,
Собираясь, стекались в столетья,
Отженить, что тебя подвело
В самый тяжкий момент лихолетья?

Дней ушедших назад не вернуть...
И не стоит насиловать нервы,
Продолжая тернистый свой путь, —
Не один я такой и не первый...

Habanera

В подражание И. Северянину,
на мелодию Ж. Бизе

В объятиях чувственных страсти нежной,
Дыханья юности не тая,
Ты грациозна, слегка небрежна...
Тебя здесь раньше не видел я.

Живого круга живые стены
Движенью внемлют твоих ресниц,
И в ритме танца живет арена,
Мерцают блики на сотнях лиц...

И перестука кастаньет
Плясуньи уличной мне не забыть,
Пленил девичий силуэт, –
Но сердца рыцаря...
  не покорить...

Пророк

В краю перевозданном, безлюдном и диком,
На вечно сухой, неприятной равнине,
Сидел на песке без движения, тихо,
Безвестный старик – повелитель пустыни.

Сидел без движенья, дыша еле слышно,
Дышал еле слышно в молчаньи гнетущем.
Он думал, он мыслил в тиши неподвижной,
Свой дух вознеся над былъём вездесущим,

Свой страх заперши на стальные засовы,
Что так популярны в селениях белых...
В селениях белых чернеют остовы,
Но новые орды коварных и смелых

Предательски скоро мечом иль обманом
Захватят все земли исконных народов,
Чугунною лентою от океана,
Протянется путь дровяных скороходов...

И схлопнется время... Во веки и ныне
Зажгутся огни казино и отелей,
Стрела автострады пройдёт средь полыни,
Связуя собою цепочку борделей,

В полночное небо взлетят самолёты,
Распустится кактус на чьём-то балконе...
И резвые кони повыйдут из моды –
К асфальту привычны железные кони...

Он все углядел, через время учуял,
Услышал чечётку на древних могилах
Прапращуров, что приручали впустую
Природною волей природные силы.

Он встал, уничтоженный страшным виденьем
И руки простёр к обречённому краю,
Старик, отправлявший когда-то в сраженьях
Коварных и смелых к их белому раю.

Пустыня молчала, беспомощно, словно
Осознавала конец свой отныне,
Родился пророк и, шатаясь, неровно,
Побрёл в темноту по недвижной равнине.

Узник Кексгофа

В подражание А. Пушкину

Я вопрошаю твердь небес:
«За что же мне такая доля?»
Там, за оконцем, дремлет лес
В пылу полуденного зноя.

Там, за булыжную стеной,
Земля, где я любил когда-то.
Теперь же мой удел – гнилой,
Промозглый воздух каземата.

Теперь я узник. Не видна
Мздоимцам истина святая...
Стена тверда и холодна.
Что бить её, изнемогая?

Не станет тоньше и на дюйм...
Я обречён на поражение,
И в омуте тревожных дум
Моё трепещет отраженье.

Песнь пиктов

В подражание Р. Кипплингу

Мы дети жухлых равнин,
Мы духи призрачных чащ...
Во имя речных седин
Пусть меркнет рассудок ваш.

У жертвенных алтарей
Куриться пепел забыл.
Теряя своих сыновей,
Растратят латины пыл.

Мы камни этой земли,
Мы дальних пожарищ чад...
Во имя новой зари
Пусть ваши колени дрожат.

Не верим посулам тех,
Кто, с обнаженным мечом,
Ищет почестей и утех, –
Врага не запустим в дом.

Мы звуки ночных дубрав,
Мы веки заспанных глаз...
Во имя всех тех, кто прав,
Пусть силы оставят вас.

Что нам пришлых цари,
Догмы и образа?..
Быть может мы – дикари,
Но это – наши леса...

Воззвание к римскому населению Британии

В подражание Р. Кипплингу

Святого чувства не тая,
Не предрекая избавленья,
Я обращаю к вам, друзья,
Слова, лишённые сомненья.

Редуют стройные ряды,
И тают верные когорты,
Но слишком мы ещё горды,
Чтоб нас поработщали орды.

Так встанем, как один, за твердь,
Что воплотили наши предки...
Друзья, не призывайте смерть, –
Ряды ещё не слишком редки...

Пусть много прячется в горах,
Избегнув гибельного поля,
Мы сами пестовали крах –
Нельзя нам отойти без боя.

Здесь, на извечном рубеже,
Мечей прадедовских не сложим;
На неприветливой меже
Латинам отступать негоже.

И прежде, чем рубить врага,
Оденем белые рубахи, –
Пусть узрит бритт издалека,
Как сгинут мелочные страхи,

Как мы, отринув суету,
Сплотимся против супостата,
Взыскупя за свою мечту
Дороже серебра и злата.

Из цикла «Русь ушедшая»

Русь моя

Русь моя... Вздохни свободно,
Размахнув пошире руки,
Отхлебни воды холодной
И услышь ночные звуки:

Как поёт ручей в овраге,
Что низину окаймляет,
Заяц мчит через коряги –
Прямо сердце замирает,

Как слова молитвы русской
Льются в звёздные торосы,
И краса ладонью узкой
Развивает свои косы,

Как ребёнок спит тревожно,
Днём намаявшись от скуки...
Русь моя... Вздохни свободно,
Размахнув пошире руки...

***

Старый парк... Осенняя аллея...
Жёлтые блокнотные листы...
И, в объятьях призрачного хмеля,
Блѣклая личина красоты.

В каплях отражаются рассветы –
Неземная летопись времён,
И царей скульптурные портреты,
И Венеры дивной сладкий сон...

Чувствуется слабое дыхание –
Ветерок ласкает ветви лип, –
Это он, тревожный дух созданья,
К парапету древнему прилип.

И, шепча забытые поверья
В рифмы ненаписанных баллад,
Он разверзнет каменные двери,
Что доселе затворяли ад,

И очистит музыку от скверны,
И пройдет по лужицам босой,
Совершив возмездие неверным
Лютою морозною косой.

Тройка

Резво тройка в поле мчится –
Ржание коней...
Перепутье вдруг случится –
Выйду из саней.

Оглашает весь просёлок
Перестук копыт,
Бубенцов набат весёлый
В голове звенит.

День морозный, день воскресный –
Ярмарка грядёт...
Люд работный, люд окрестный
На базар идёт.

Говор медный, говор древний
Слышится окрест –
Над недалнею деревней
Звучный благовест.

Выпить чарку трудовую
Мужику не лень
Под частушку озорную
В ярмарочный день.

Пусть рожки да балалайки
Поразгонят грусть,
Потони в застольных байках,
Праздничная Русь!

Отпускаю...

Обагрён небосвод кровотоком заката,
Облака как всегда убегают куда-то,
Но дурной ветерок шепчет мне небылицы,
Что вдали догорают казачьи станицы...

Я не знаю, вернусь ли, и надежить не стану...
Я не знаю, вернусь ли,
дорогая княжна,
Только из портмоне Ваше фото достану
И с письмом отошлю –
жертва мне не нужна...

Не надейтесь, прощаний я не обещаю,
Клятвы верности Вашей я Вам возвращаю,
Так хочу дописать предложенье до точки,
Но склоняюсь порвать и рассыпать листочки...

Я хотел, я мечтал
стать полезным Отчизне,
Но расплаты не знал за полезность свою...
Позабудьте меня,
ну не будьте капризны,
Позабудьте меня, заклинаю, молю...

А признанья в тени одинокого дуба,
Ваших плеч белизну, Ваши чуткие губы,
Я с собой унесу в грозовые зарницы,
В те края, где сейчас догорают станицы...

Из «Сонетов»

Осень

*Посвящается Вам, несравненная Татьяна К.,
и осеннему вечеру,
когда преданный Ваш поклонник
впервые услышал голос Вашей гитары*

Песчинки тихой осени шуршат,
Опав с ветвей, в траве оцепенелой.
Крупинки льда природы омертвелой
Тоскливым шёпотом пророчат ваш закат.

Вам грустно наблюдать, едва живым,
Как медленно, но верно уступает
Светило денное в борьбе и засыпает,
Чтобы весной очнуться молодым.

Многоголосие сменяется молчаньем,
Наряды лета – мглой и одичаньем,
Хлад оттесняет прежнее тепло,

Но лишь воскреснет яркий светоч жизни,
Вернётся щебет птиц и бодрость мыслей,
Вернётся всё, что некогда ушло.

Прелесть

Мы ощущаем прелесть жизни, господа,
Когда коса занесена над головою,
И лики ангелов проходят чередою –
Последние отворены врата...

А ведь могли бы счастливо прожить
Нам отведённые судьбою годы жизни
И не корить радеющих на тризне
За упокой неправедной души.

Но почему так глупо тратим годы
И сами создаём себе невзгоды,
Сбывая истину за пригоршню монет,

Когда б любить могли, не ведая тревоги,
И счастье найти в едином Боге?..
Быть может, веры нет?..

Из цикла «Трансформация»

О жизни

Уильям, ты был прав...

Что жизнь – театр, а люди в нём – актёры
Сказал однажды «дедушка Шекспир»...
Не важно, скоморохи иль жонглёры, –
Костюмчики проношены до дыр,

И из прорех выглядывает сущность:
Душа и тело, тело и душа...
Сплетенье нервов – трепетная кучность
Сквозь призму неуклюжих антраша...

Зимой в театре полная отдача,
И артистизма неизменный рост...
Вы думаете – сложная задача?
И ошибаетесь – секрет до боли прост:

Нам холодно в рванине и обносках...
Нам холодно... и всё, и в свой черёд
Выходим мы попрыгать на подмостках...
Пускай движеньем не растопишь лёд,

Пусть не сойдут пупырышки на коже,
И за кулисами запляшут зубы вновь...
На сцене мы становимся моложе,
На сцене вновь движение, и кровь

Послушно зажурчит в трубопроводе
Средь мёрзлых вен и ржавых стояков.
Пришла зима – актёр погряз в работе –
Противник я фатальных отпусков.

Из цикла «Звезда в рукаве»

***

*Дружному коллективу нашей
творческой студии посвящается*

*Или думаешь, что Я не могу
теперь умолить отца Моего,
и Он представит Мне
более, нежели двенадцать
легионов Ангелов?*

Евангелие от Матфея 26-53

Мы глядим в надоблачную даль,
Надрывая окуляры глаз, –
Нам уже не дышится, как встарь,
Нам уже не плачется сейчас...

Над долиной зыбкой вышины,
Над равниной ватных берегов,
В шёлковых объятьях тишины,
В облачении из далёких снов

Мы стоим – свободны и сильны,
Видя, как, отринув якоря,
Белых дирижаблей табуны
Наполняют звёздные поля,

Как под тёплым пологом небес
Вырос город – шпильи и цветы...
Словно воплощение чудес,
Словно воплощённые мечты.

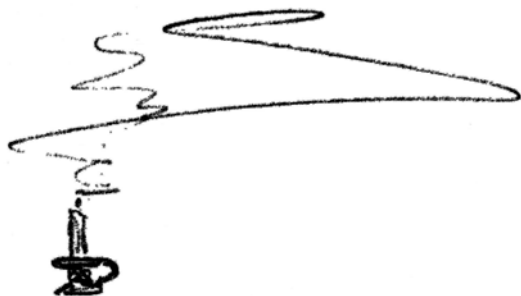

Стоит лишь сорваться в высоту,
Стоит лишь достигнуть этих стен...
Может, там познаем простоту,
И, как знать, останемся совсем?

Мы стоим – безмолвные полки...
В хрупкой тишине мы ждём Того,
Кто одним движением руки
Легионы ставит на крыло.

Он придёт, мы верим, а пока
Вдаль глядим и терпеливо ждём:
С неба семицветная дуга
Вниз прольётся красочным дождём.

Дождь пройдёт, вновь высветится даль,
Что манит и увлекает нас...
Нам уже не дышится, как встарь,
Нам уже не плачется сейчас...

***

*Нашему студенческому братству,
в преддверии крайних зачётов...
(ЭУМ ЭФ СибГИУ, выпуск 2006)*

Друзья, негоже унывать,
Предайтесь радости влеченью.
Науки тяжко постигать,
Но близится конец мученью!...

Возвеселитесь же! Сейчас –
Свободен дух в свободном теле,
И позабудьте, хоть на час,
Зачёты будущей недели.

Впредь не удастся отдохнуть,
Нет больше времени на это –
Нас ожидает трудный путь
К порогу Университета,

А чтобы пять весёлых лет
Внезапно не пошли насмарку,
Не грех поднять за факультет,
Друзья, студенческую чарку!..

***

Третий день недели,
Первый день весны...
Выпиты метели,
Высмотрены сны.

Пробудись, Мой Ангел,
Выгляни в окно!
Для тебя поставил
Новое кино

Режиссёр известный –
Вечная любовь...
Всех рассветных песен
Красочная новь.

К волшебству готовый
В наш сумбурный век
Киноленты новой
Масленичный бег

Вмиг тебя подхватит, –
Резво взмоешь ввысь...
Спать, Мой Ангел, хватит!
Милая, проснись!

Услышь

*Посвящается В. М.,
первой любви*

Услышь меня, моя любовь, услышь...
Не продолжай, не надо притворяться,
И тихим шёпотом, увы, сказать пытаться:
«Тебе привиделась во сне, ты просто спишь,
Зачем от жизни к грёзам возвращаться,
В мечтах своих от яви укрываться?...»
Услышь меня, моя любовь, услышь...

Зачем же ты явилась мне в бреду,
Зачем же ты открылась ненароком,
А после обвинила меня зарокотом
Во благо, а скорее – на беду?
Но сладкая слепая подоплёка
Не осквернит лучистого истока.
Зачем же ты явилась мне в бреду...

Не надо слов, не надо пылких фраз,
Не надо вздохов, полных сожаленья.
Я окунусь в прекрасное забвенье,
В весёлой кутерьме увижу нас,
Кружащихся до головокруженья,
Шатающихся от изнеможенья.
Не надо слов, не надо пылких фраз.

И звёздный вихрь подхватит нас двоих,
Растают льды и задрожит планета...
Звучание негласного ответа
Прочту в движеньи лёгком губ твоих.
Неугасимым пламенем согрета
Ты вся в сияньи солнечного света.
И звёздный вихрь закружит нас двоих.

Из цикла «Пятый угол»

Венера Таврическая

В подражание А. Фету
(«Венера Милосская»)

Тихо. Ночь. Уснули грёзы
В темени дворца.
Не коснутся твои слёзы
Моего лица,

Не нарушит вздох печальный
Мертвенности черт –
Не жива во мгле хрустальной
Дева из легенд.

Шаг походки осторожной
Вряд ли пробудит
Полированную кожу
Мраморных ланит.

Не явит бездушный камень
Эллинской мечты –
Недвижим холодный пламень
Женской красоты.

Моим друзьям

Не превращайтесь в циников, друзья,
Не подавайте горького примера.
Если не вы, кто вытащит меня
На утлый верх последнего барьера?...

По мере сил помочь стараюсь вам...
Повязанные лентою участия,
Мы отдали пути своим ногам,
Забыв на миг про позывные счастья.

Пути земные щедро разлились –
В булыжной окантовке расстоянья...
Мы ищем, а находим лишь актрис,
Насилующих светлые мечтанья.

Но ничего – привычные насквозь,
Пленяющие терпкою смолою,
Идём, играя, веруя и врозь,
И, наслаждаясь, изредка, игрою,

И, перелистывая сумрачную даль
На иллюстрации, где мартовская талость,
Не унывайте, после будет жаль...
Гоните прочь распутницу усталость...

***

И просто и сложно, и тускло и ярко
Мы мыслим дорогу свою, иногда
Нам зябко бывает, бывает и жарко,
Но путь нам даётся не навсегда.

Наивные, редко мы помним об этом,
Бредя к горизонту, к чудесной мечте,
К седым облакам, опаляемым светом,
К надзвёздных вершин неземной красоте.

Мы смотрим вперёд, не касаясь вниманьем
Неведомых стран, что плывут мимо нас...
Мы молча идём и страшимся сознаньем
Нащупать грядущий, таинственный час,

Когда подогнутся усталые ноги,
И в душу провалится небосвод,
Когда тихо ляжем на этой дороге,
Что нас к горизонту не приведёт...

***

Колокольный звон
Слышен мне вдали...
Горизонта стон –
тайный пульс земли,

Я к тебе пошёл
от родных дверей
И в тебе нашёл
ключ к душе моей.

Поначалу я
весел был и смел,
Поначалу я
бодро вдаль глядел,

Но с течением дней
мой запал иссяк –
На земле теней
тяжелеет шаг.

Всё темнее высь,
всё дремотней лес,
Все весомей гнев
в черноте небес.

Чем весомей гнев,
чем натужней вздох,
Тем сильнее нерв
отдает в висок,

Тем слышнее звон,
что манит меня,
Тем протяжней стон
испускаю я.

***

Посвящается Т...ке

В анальгиновом мареве звонком
Беспокойный всё тоньше фантом...
Ты была невесёлым ребёнком
С изумительно-чувственным ртом,

И чего-то, казалось, искала...
Я чего-то, мне помнится, ждал...
Жаль, что память так долго ласкала
Неразложенный твой интеграл.

Из цикла «Бульварное танго»

Танго ли...

В подражание мелодиям довоенных лет

Девушке с карими глазами

Не след, родная, не молчи –
Уж, если встретились, – не дело...
Ну что же ты глядишь несмело
И теребишь в руке ключи?
Не нужно опускать глаза –
Ужель меня не рада видеть?
Не мог тебя я ненавидеть...
А вот и первая слеза...

Я не виню тебя за то,
Что разлюбила.
Сказав: «Что было, то прошло!»,
Меня ты позабыла.
Но слышу я сквозь легкий сон
Мелодию ушедших лет –
О том, чего уж больше нет
Поёт печально патефон.

Ты помнишь, – что за ерунда, –
Закат, что в заводи купался?..
Я удержать тебя пытался
Там, где уходят поезда,
Но ты сказала мне: «Прости!»,
Шагнув в глухую тишь перрона,
И ни проклятия, ни стоны
Не родилось в твоей груди.

Вечные вопросы

Что есть любовь?

Она – томленье духа? Вместителище греха?

Насмешка сфер? Безоблачное небо

Иль океан, разверзшийся под нами?...

А может фикция, мираж, круженье ткани...

Кто знает... вдруг её и нет совсем?...

Что есть порок?

Животное начало? Глас плоти?

Зов прошлого иль исступленье мысли?

А может просто норма этой жизни,

Обретшей суть в водовороте страсти?..

Кто знает... вдруг его и нет совсем?..

Silentium,
или Самопсихоанализ преподавателя к середине
пятой пары в четверг второй недели ноября

Моим коллегам

Наш скорбный труд уединен,
Наш гордый дух не своеволен, –
Он суетой закабален
И до сих пор не упокоен.

Тиши объятия легки,
Лишь поскрип ручки, посвист мела, –
Едва заметные мазки...
И поученье без предела.

***

*...Друзья мои,
вы были правы...*

Коварное время –
Бег стрелок и дат,
Нет места сомненьям –
Ни шагу назад...

Секунды уходят,
Минуты гудят,
И память подводит,
И стрелки летят.

Что было – сотрётся,
Что будет – придёт...
Язык шелохнётся
И звуки вберёт,

Впитает как губка
И выплеснет вновь
Словами, из кубка
Прольющими кровь,

Что память отметит,
И память сотрет,
И вновь звуки эти
Отправит в полет.

Мы всё поиздержим,
Опять обречем, –
Круг жизни свершится,
К началу придем,

И слово обида,
И слово любовь, –
Всё будет забыто,
Всё вспомнится вновь...

11 советов юному джентльмену

В подражание А. Розенбауму
(«18 полезных советов»)

Не верь в удачу, милый друг,
Не предавай себя надежде,
Не позволяй перстам подруг
Прикосновения к одежде,

Не открывай ни лжи ларец,
Ни правды, ни избитых истин,
Не жди, когда придёт конец –
Он не придёт, даже не мысли.

Не собирай чужих цитат –
Не для тебя вся эта «мудрость»,
Не поворачивай назад,
Узрев очередную трудность,

Вовек не думай наперёд,
Не подмечай простых ответов,
Не подставляй врагу живот
И впредь не принимай советов.

Моим студентам

В подражание Р. Кипплингу («If...»)

*Будущим менеджерам
и экономистам-менеджерам*

Владей искусством управлять,
Предвидеть, создавать и строить,
Кричать, коль надобно кричать,
Или молчать, забыв о боли.

Владей искусством быть другим
Среди толпы глухой и серой
И взором трепетным своим
Познания расширяй пределы.

Владей искусством быть собой,
Не подчиняя мысли веку,
И, как даровано судьбой,
Живи, являясь Человеком.

Владей искусством, ибо всё,
Что управлением зовется,
И есть искусство, мастерство,
Которым овладеть придётся.

Оглавление

Облака шифона.....	4
Пляшущий дервиш	4
Облака шифона.....	6
Менгир	9
«Колчаковская пещера», или Удивительное рядом	15
Университет от А до Я	18
Из цикла «Окованное сердце».....	23
Музе	23
Память	25
Nabanera.....	26
Пророк	27
Узник Кексгофа	29
Песнь пиктов.....	30
Воззвание к римскому населению Британии	31
Из цикла «Русь ушедшая»	32
Русь моя.....	32
«Старый парк... Осенняя аллея...».....	33
Тройка.....	34
Отпускаю	35
Из «Сонетов»	36
Осень.....	36
Прелесть	37
Из цикла «Трансформация»	38
О жизни	38
Из цикла «Звезда в рукаве»	39
«Мы глядим в надоблачную даль...».....	39
«Друзья, негоже унывать...»	41
«Третий день недели...»	42
Услышь.....	43
Из цикла «Пятый угол».....	44
Венера Таврическая.....	44
Моим друзьям	45
«И просто и сложно, и тускло и ярко...».....	46
«Колокольный звон...»	47
«В анальгиновом мареве звонком...»	48
Из цикла «Бульварное танго».....	49
Танго ли... ..	49
Вечные вопросы.....	50
Silentium	51
«Коварное время...».....	52
11 советов юному джентльмену.....	53
Моим студентам	54

Для заметок

Тираж 100 экз.

 Рекламно-издательский сектор